

ТРАГИЗМ КАК КОНСТАНТА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Н. В. Лучкина, С. А. Мирзоева, И. Ю. Проценко

Ростовский государственный медицинский университет

Ростов-на-Дону, Россия

e-mails: luchkina7@mail.ru; samirzoeva@yandex.ru; ir.protsenko@yandex.ru

Целью настоящего исследования является рассмотрение влияния эпохи и характера ее повседневности на языковую личность. Источником для анализа послужил язык героев романа А. Слаповского «Неизвестность», охватывающий жизнь одного рода на протяжении столетия, с 1917 по 2017 годы. Делается вывод о трагизме как константе существования человека в разные эпохи.

Ключевые слова: эпоха; повседневность; языковая личность; трагизм.

TRAGEDY AS A CONSTANT OF HUMAN EXISTENCE

N. V. Luchkina, S. A. Mirzoeva, I. U. Protsenko

Rostov State Medical University

Rostov-on-Don, Russia

e-mails: luchkina7@mail.ru; samirzoeva@yandex.ru; ir.protsenko@yandex.ru

The purpose of this study is to consider the influence of the epoch and the nature of its everyday life on the linguistic personality. The source for the analysis was the language of the heroes of A. Slapovsky's novel «The Unknown», covering the life of one lineage throughout a century from 1917 to 2017. The conclusion is made about tragedy as a constant of human existence in different epochs.

Key words: epoch; everyday life; linguistic personality; tragedy.

Исследование языковой личности не может осуществляться в отрыве от контекста эпохи, включающего политический, социально-экономический, культурный и духовный аспекты – без учета всего того, что позволяет говорить о языковом вкусе эпохи. Активно проблемами бытовой культуры, образа жизни личности, философским осмыслением обыденности начали заниматься в конце XX века, отмечая по мере исследований новые характерные черты меняющейся повседневности.

А. Слаповский в предисловии к своему роману «Неизвестность» пишет: «Каждое поколение начинает жить словно заново, получая в наследство то единственное, что у нас постоянно, – череду перемен с непредсказуемым результатом». С этим трудно не согласиться. Каждое поколение, а А. Слаповский описывает жизнь одного рода на протяжении ста лет, с 1917 по 2017 годы, сталкивается с разными трудностями, характерными именно для того времени, в котором довелось жить людям.

«Под повседневностью традиционно понимается нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени», пишет И. П. Полякова [1, с. 9]. Однако, знакомясь с жизнью разных

предшествующих поколений, затруднение вызывает определение *нормального*. Можно ли признать нормальными революционные события, гражданскую войну, раскулачивание, репрессии, культ личности и пр.? Обращая взгляд в прошлое, мы каждый раз будем убеждаться в том, что необычные условия жизни порождают некие эксклюзивные обстоятельства, ранее с которыми люди не сталкивались.

Согласимся с И. П. Поляковой: «Исследование повседневности дает обширный материал для интерпретаций в свете исторической науки. Реальная история не может рассматриваться в отрыве от отдельного человека, его образа жизни и поведения» [1, с. 10]. Именно это мнение и заставило нас обратиться к исследованию конкретных языковых личностей, героев романа А. Слаповского.

Слово *повседневность* мы можем рассматривать как многозначное, подразумевая не только стандартизированный и нормированный срез эмпирической жизни, мир неписаных правил и сложившихся стереотипов, но и эмпирическую жизнь, полную страстей, стремлений, противоборства [2, с. 7]. Социологи обратили пристальное внимание на то, что наша действительность строго упорядочена, несмотря на внешний эмпирический хаос, который, однако, становится понятным участникам общения, принадлежащим к одной культуре.

Можно, вероятно, предположить, что в разных культурах в тот или иной исторический период существуют свои пропорции стандартизированного и неупорядоченного, устоявшегося и хаотического. Известно, какой сложный исторический путь имеет наша страна, и зачастую те трудности, которые испытывали люди в разные эпохи, пытались называть временными, а переживаемый этап жизни – переходным.

Остановимся на понятии *переходность*. Считаем абсолютно справедливым утверждение В. К. Кантора о том, что «переходность является константой российской истории» [3, с. 552]. Перечисляя исторические периоды от наших дней до начала русской государственности, он делает вывод о постоянных изменениях и переходе страны из одного качественного состояния в другое.

К такому же выводу пришла и социолог Н. Н. Зарубина, называя главной проблемой России «неустойчивость повседневности, которая из сферы стабильности, прибежища от хаоса и неопределенности превращается в зону риска и дискомфорта» [4, с. 54]. Ею подчеркивается, что эта ситуация продолжается в России столетия.

Роман «Неизвестность» начинается с дневника малограмотного Николая Тимофеевича Смирнова, охватывающего 1917 – 1937 годы. Мы видим ужасы деревенского быта, голод, смерть детей и женщин; жесто-

кость людей, проводивших линию партии. Н. Смирнов, несмотря на свою инвалидность (у него не было одной руки), был очень трудолюбивым и сметливым человеком. Однако, будучи на службе НКВД, он сам попадает в его жернова.

Страницы его дневника рисуют нам человека наивного, но очень целеустремленного, верящего в счастливую судьбу своего народа. Н. Смирнов был направлен на слет стахановцев, передовиков и рационализаторов отрасли в Москву во время празднования годовщины революции в ноябре 1935 года. В дневнике он пишет: *«Были моменты, когда я просто содрогался от сознания величия СССР и от того, что я являюсь частью народа. Будто я увидел цель, которую раньше не видел. И которую олицетворила для меня демонстрация. И я кричал ура так громко, что сорвал голос. Будто с ума сошел от радости»* [5, с. 67].

Обращает на себя внимание изменение языка дневника Н. Смирнова: его речь становится все более грамотной. Герой А. Слаповского до последнего верит в справедливость и грандиозность свершений, происходящих в стране. Повседневность Н. Смирнова можно оценить как трагическую, но трудности и многочисленные испытания не сломили его. Сильный и светлый человек, верный своим идеалам, ушел из жизни, оставив сына Владимира и дочь Катю. Его жизнь обрывается, но сохранившийся дневник чудом оказывается в руках его сына, и тот продолжает традицию ведения дневника, описывая события своей жизни начиная с юношеского возраста.

Володя был фанатом Николая Островского, поэтому его речь копирует риторику романа «Как закалялась сталь». Он пишет письмо своему кумиру, а события своей жизни сравнивает с тем, что происходило в жизни любимого героя, Павки Корчагина. Его честность, непримиримость создают для него много трудностей еще в школьные годы, когда, например, он пытается бороться с несправедливостью при организации соревнований ГТО. Фанатизм делает его порой изгоем среди одноклассников. Желая стать летчиком или танкистом, он не мог реализовать мечту из-за «сомнительных» моментов в биографии, однако он, как и отец, идет служить в НКВД. Когда Владимир знакомится с дневником отца, ему еще не исполнилось 18 лет, и он пишет в своем дневнике: *«Я не знаю, насколько виноват отец. Есть возможность, что что-то напутали слишком бойкие исполнители приказов. И я бы хотел службой Родине не искупить его вину, я в ней не уверен, но доказать за себя и за него, что мы готовы пролить кровь за наши идеи»* [5, с. 112]. Владимир совершенно искренен в своем дневнике. Желая попасть на фронт, но не пройдя медкомиссии по состоянию зрения, он выучивает наизусть таблицу с

буквами, по которой проверяется зрение, и получает заключение о том, что он годен. Но на его пути встают новые препятствия: связь с женщиной, имеющей немецкие корни, которая позже становится его женой. Мы не знаем, доехал ли Владимир до фронта, но его жена получает извещение о том, что ее муж 6 сентября 1941 года пропал без вести.

И в этом поколении мы видим человека сильного, целеустремленного, патриота, готового отдать свою жизнь на благо Родины. Его жизнь также оказалась трагичной: оставшись сиротой, своим ориентиром в формировании личности он делает Павку Корчагина и на страницах своего дневника обращается к нему.

Следы его жены и сына Антона затерялись. Имея немецкие корни, они были подвергнуты насильственному переселению. Однако из приговора суда 1962 года мы узнаем о смертной казни Антона Смирнова в возрасте 24 лет из-за уклонения от очередного призыва на действительную военную службу и разного рода нелегальной деятельности, в том числе изготовления фальшивых денег в период перехода на новые купюры.

Представителем следующего поколения оказывается Виктор, сын Кати и внук Н. Смирнова. Он вырос с матерью и отчимом. Виктор желал заниматься чистым творчеством, будучи художником, но, попав уже в новые социально-экономические условия, вынужден был зарабатывать рекламой. Читая о жизни Виктора, мы видим приметы недавнего прошлого и сегодняшнего времени: хаос в семейных отношениях, алкоголизм, безволие, отсутствие целеустремленности, приводящее к равнодушию. В первой семье вырос больной сын, нуждающийся в постоянном попечении. Вторая семья на грани развода. В ней растет дочь, не понимающая, почему надо жить в состоянии постоянной лжи. Она знает, что у отца есть внебрачная дочь пяти лет.

Виктор однажды начинает вести записки о собственной жизни. Первая запись относится к воспоминанию в подростковом возрасте, когда ему понравилась уверенность незнакомого парня, чинившего автомобиль и разговаривавшего с девушкой. Но сам он таким уверенным в себе так и не стал. В детстве он не мог оборвать отношения с неприятным ему человеком, навязывавшимся в друзья, и, наоборот, наладить отношения с понравившейся ему девочкой. Однако в 1984 году у Виктора хватает силы воли и смелости отказаться от сотрудничества с КГБ, когда ему предлагают написать эссе о реализме в живописи, направленное против его знакомого, с которым он вместе занимался халтурой. Его наставник, пожилой художник, поощрял занятия молодых востребованной халтурой, предостерегая при этом – *душу не продавать никому*. Виктор, не отличаясь сам высокими моральными устоями, делает такое наблюдение в сво-

их записках: *«Любые признаки снижения морального уровня в обществе нас тайно радуют, они оправдывают нашу собственную моральную не-высокость или, наоборот, позволяют гордиться своим крепким нравственным духом»* [5, с. 275-276].

На глазах Виктора повседневность меняется кардинальным образом: уходит в прошлое СССР, происходит смена общественного строя. Очереди, казавшиеся сущим наказанием в советское время, начинают вызывать ностальгию. Виктор задумывается над причинами этого и пишет в своих записках: *«Нас томит печаль о том изобилии свободного времени, которое было почти у каждого советского человека и позволяло стоять в очередях и пять, и шесть часов. Мы, нынешние, попавшие в цейтнот гонки на выживание или гонки за престижем, у кого как, даже представить не можем, что потратим такое количество человеко-часов ради двух-трех бутылок вина или водки»* [5, с. 286].

Виктор переживает все перипетии смутного времени: и занятие частным незаконным бизнесом, и стремление повернуть удачную сделку и быстро разбогатеть, и крах этой затеи с «постановкой на счетчик», и трагедию «Норд-Оста». Впервые оказавшись внутри трагического события, Виктор понял, что такая ситуация может повториться в любой момент, и по утрам его не покидает ощущение, что он очнулся от временной смерти.

Анализируя свои отношения во втором браке, Виктор приходит к выводу, что все браки держатся на ежедневной лжи. Изменилась эпоха, но трагизм, переживаемый человеком, никуда не ушел.

Аня, дочь Виктора, учит бабушку Катю, в прошлом активную комсомолку, житейской мудрости. Молодое поколение, мало зная прошлое своих дедов-прадедов, считает, что им удастся избежать многих неприятностей.

Взрослый сын Виктора страдает ДЦП. Глеб знакомится в интернете с такой же особенной девушкой. Они не могут быть в полной мере социализированы, поэтому матери постоянно опекают их. Возникает мысль: не тупиковый ли ход развития имеет когда-то огромный род?

Итак, герои романа А. Слаповского принадлежат к разным поколениям: прадед – дед – дети и внуки. Знакомясь с их письменной речевой деятельностью (а писателю удается для каждого героя создавать характерный для него стиль письма), можно прийти к следующему заключению: старшие поколения, прадед и дед, становление личностей которых происходило в невероятно сложных условиях, были сильными натурами, с твердыми убеждениями и нерушимыми идеалами. Пусть прадед был практически неграмотным, а дед вырос без родительского руководства,

однако они были людьми целеустремленными, морально стойкими, жизненнолюбивыми и в то же время жертвенными. В поколении детей сила и целеустремленность утрачиваются. Встретить в настоящее время таких людей, как Николай и Владимир Смирновы, очень трудно, если вообще возможно. О поколении внуков судить пока рано: они либо еще не вполне разобрались в жизни (Аня), либо в силу болезни сделать этого не в состоянии (Глеб и Мария).

Сейчас человечество столкнулось с новой общей опасностью – коронавирусом. Непредсказуемость повседневности нарастает с большой скоростью и приобретает тотальный и всеугрожающий характер. Таким образом, трагизм можно определить как константу человеческого существования.

Зрелую цивилизацию М. Эпштейн определяет как зону «предельного риска, который повышается с каждой ступенью прогресса» [6, с. 765]. Судя по всему, человечество уже вошло в эту зону, в которой будут формироваться новые языковые личности.

Библиографические ссылки

1. Полякова И. П. Повседневность как предмет исследования гуманитарных наук // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 9–13.
2. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта. М. : МарТ, 2003. 392 с.
3. Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. 2-е изд., перераб. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 600 с.
4. Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки. 2011. № 4. С. 52–62.
5. Слаповский А. И. Незвестность. Роман века. 1917-2017. М. : АСТ, 2017. 413 с.
6. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.